

18+ ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

Без границ

КОГДА МИР СТАНОВИТСЯ ДОМОМ

160 домов по обмену, 60 стран, одна жизнь без границ

ТАТЬЯНА ЕРМАКОВА

Первая в мире серия книг о реальной жизни
в путешествиях через обмен домами

Татьяна Ермакова

Без границ. Когда мир

становится домом

<https://litres.ru/74268722>

ISBN 9785007050975

Аннотация

Это история женщины, которая решила изменить свою жизнь и начала путешествовать по миру, обмениваясь домами с незнакомыми людьми. В каждой новой стране ее ждали встречи, неожиданные события, отношения, которые меняли жизнь, и решения, после которых всё приходилось начинать заново.

Но эта книга не только о поездках. Она о поиске своего пространства в мире, о любви и расставаниях, о браках, переездах и смелости начинать сначала. О том, как заново строить жизнь, когда рушатся привычные опоры.

Содержание

От редактора	9
Вступление	13
Всегда плюс 25...	19
Моя семья	23
Между школой и домом	32
Читают все	37
СССР — страна, которой больше нет на карте	44
Книга об этикете	47
Книга всему голова	52
Мои первые путешествия	55
Власть знает	64
Испания	69
Иностранка	74
Свить своё гнездо	82
Архитектор своей жизни	88
Конец ознакомительного фрагмента.	89

**Без границ
Когда мир
становится домом**

Татьяна Ермакова

© Татьяна Ермакова, 2026

ISBN 978-5-0070-5097-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Итак она звалась Татьяна...

Друзья с третьего класса и
их родители

Версаль, Франция

От редактора

Эта книга может показаться историей о путешествиях, об обмене домами, о жизни в разных странах и о свободе выбирать, где просыпаться утром. В ней действительно много дорог, перелётов, новых городов и домов, двери которых однажды открывались перед автором в самых разных точках мира. Но, читая рукопись, довольно быстро понимаешь, что перед тобой не путевые заметки и не рассказ о необычном способе путешествовать. Это история гораздо более длинного пути, который начался задолго до того, как в жизни Татьяны появился первый обмен домами, и задолго до того, как она узнала о существовании сообщества людей, готовых пускать в свои дома незнакомцев и сами жить у них в ответ.

Главное в этой книге — не сами поездки, а внутренняя готовность к ним.

Обмен домами стал возможен не потому, что однажды был найден подходящий сайт, а потому что вся предыдущая жизнь постепенно учила автора не бояться перемен, спокойно входить в новое пространство и доверять миру больше, чем принято. Читая главы о детстве, о семье, о первых переездах, о библиотеке, о попытках понять, как устроена жизнь в других городах и других кругах, становится понятно, что привычка идти дальше, чем принято, появилась очень рано и с годами только усиливалась.

Детство, в котором рядом были книги, разговоры и ощущение внутренней устойчивости, дало ту самую опору, без которой трудно решиться на жизнь без одного постоянно-го адреса. Отец, учивший рассуждать и искать собственные решения, и мать, для которой движение, красота и лёгкость были естественным состоянием, создали ту среду, в которой перемены не воспринимались как катастрофа. Позже были переезды из маленького города в большой, потом ещё дальше, потом столица, потом другая страна, и каждый раз жизнь требовала начинать заново, привыкать к новым правилам, искать своё место среди незнакомых людей. Со временем это перестало пугать и стало почти привычным состоянием.

В книге много сцен, которые на первый взгляд не связаны с обменом домами: детская библиотека между школой и домом, первая поездка за границу, жизнь в Москве, годы в Испании, встречи с людьми, которые жили в других странах так, словно это естественно. Но именно из этих эпизодов постепенно складывается главное — способность чувствовать себя своим в любом пространстве и не держаться за одну точку на карте как за единственно возможную.

Когда в жизни автора появился первый обмен домами, это не было смелым экспериментом. Это было логичным продолжением того, что уже происходило много лет. Поэтому идея поехать в чужой дом и на время пожить там не показалась ей странной. В этом было даже что-то знакомое, как будто жизнь снова предложила открыть новую дверь и по-

смотреть, что находится за ней.

Первые обмены начинались почти случайно, с короткой заметки в журнале, с нескольких названий сайтов, записанных в телефон без особой надежды, что они когда-нибудь пригодятся. Потом была регистрация на сайте, первое описание дома, точка на карте, отправленный запрос в неизвестность и неожиданно пришедший ответ. Всё выглядело очень просто и почти наивно, без гарантий, без сложных правил, только переписка, договорённость и доверие. Но именно эта простота и оказалась для автора естественной, потому что к тому моменту она уже умела жить без ощущения, что всё должно быть заранее просчитано.

Первый обмен прошёл спокойно, и вместе с ним пришло чувство, что мир может быть гораздо открытее, чем кажется. Потом были новые дома, новые города, Лондон, куда приходилось возвращаться снова и снова, потому что там учился сын, потом другие страны, всё более длинные поездки, и постепенно обмены перестали быть способом путешествовать и стали образом жизни. Позже в книге появится телефонный звонок, который автор называет «звонок с небес». Именно он откроет ей другую систему обменов, новые возможности и ту свободу перемещения, благодаря которой мир действительно начнёт становиться домом.

Читая эту книгу как редактор, я всё время возвращалась к одной мысли.

Это история не о том, как человек нашёл способ путеше-

ствовать.

Она о том, как человек постепенно пришёл к состоянию, в котором можно жить без страха перед переменами. Поэтому в этой книге важно не только то, сколько домов было обменяно и сколько стран изучено. Важно то, что за каждой поездкой стоит длинная дорога, начавшаяся в маленьком городе, прошедшая через переезды, ошибки, отношения, потери, новые начала и через постоянное желание идти дальше, даже тогда, когда ещё не понятно, куда именно ведёт следующий шаг.

Обмен домами стал лишь одной из форм этой дороги.
Не причиной, а следствием.

И, возможно, именно поэтому история, рассказанная в этой книге, читается не как рассказ о путешествиях, а как история человека, который однажды разрешил себе жить так, как чувствует, и в какой-то момент обнаружил, что у него больше нет одного дома, потому что домом постепенно стал весь мир.

Редактор Наталья Моженкова

Вступление

Последние пятнадцать лет моё утро начинается почти одинаково, и это уже стало привычным ритуалом, который повторяется независимо от того, в какой стране я просыпаюсь. Проснувшись, я беру телефон и, ещё не до конца придя в себя, открываю одну и ту же страницу. Глаза ещё не совсем фокусируются, утренний свет только начинает пробиваться через шторы, а я уже захожу в раздел сообщений. Это не письма от друзей и не рабочие уведомления. Это сообщения от людей, которых я никогда раньше не встречала, людей из других стран, из других культур, из совершенно разных жизненных обстоятельств. Это семьи, с которыми мы можем обменяться домами.

Когда сегодня рассказываешь об обмене домами, многие воспринимают эту идею как что-то новое, появившееся уже в эпоху интернета и онлайн-сервисов, однако на самом деле у этого движения довольно длинная история, которая начинается в 1953 году, когда в Европе появилась первая организованная система обмена — Intervac International. Её создали обычные учителя, люди с довольно скромными возможностями, которые хотели путешествовать во время школьных каникул и нашли для этого самый простой способ — временно меняться своими домами с другими семьями из разных стран.

Если считать с этого момента, получается, что идея обмена домами уже больше 70 лет, и она возникла задолго до того, как появились слова «экономика совместного потребления», задолго до интернет-платформ и задолго до сервисов вроде Airbnb, которые сегодня кажутся чем-то естественным. В первые десятилетия всё происходило очень медленно: люди переписывались письмами, рассылали печатные каталоги с описаниями домов, договаривались заранее и часто никогда не встречались лично, но при этом доверяли друг другу настолько, чтобы на время отпуска передать ключи от своего дома.

Практически одновременно с европейской системой в Соединённых Штатах появился ещё один клуб обмена, созданный нью-йоркским учителем Дэвидом Остроффом, который позже стал известен как HomeLink, и именно с этих небольших сообществ постепенно выросло международное движение, которое с каждым десятилетием становилось всё больше. Настоящий рост начался в 90-е годы, когда после собственного опыта обмена домом американец Эд Кушинс создал сервис HomeExchange, сначала в виде печатного каталога, а затем в виде сайта. И именно с появлением интернета обмен домами перестал быть редкой возможностью для узкого круга людей и начал быстро превращаться в массовое явление. Уже в 2000-е годы тысячи людей начали договариваться об обменах онлайн, а после 2010 года появились гибкие системы обмена, позволяющие путешествовать даже без

прямого совпадения дат, используя баллы и кредиты, и благодаря этому движение стало по-настоящему глобальным.

Сегодня крупнейшая платформа HomeExchange объединяет участников примерно из 155 стран мира, и в общей сети обменов зарегистрировано около 360 000 домов и квартир. При этом речь идёт не только о курортной недвижимости или вторых домах, а в первую очередь о тех квартирах и домах, где люди живут постоянно. По статистике около 68% всех обменов происходят именно между основными домами, и эта цифра лучше всего показывает уровень доверия, на котором держится вся система, потому что люди оставляют гостям не пустое жильё, а пространство своей обычной жизни.

Количество участников платформы превышает 200 000 активных пользователей, и если посмотреть на статистику поездок, становится понятно, что обмен домами давно перестал быть редким экспериментом. Только на одной платформе происходит более 400 000 обменов в год, а это значит, что в среднем каждые 1—2 минуты где-то в мире завершается новый обмен, и в этот момент кто-то закрывает дверь своего дома, чтобы через несколько часов открыть дверь в другом городе, в другой стране, иногда даже на другом континенте. Средняя продолжительность одного обмена составляет около 10 —12 ночей, то есть чаще всего речь идёт не о коротких поездках на выходные, а о полноценной жизни в другом месте, когда человек успевает привыкнуть к улицам, к магазинам, к соседям и на время действительно становится частью

другой страны.

Если посмотреть на все эти цифры вместе — на год, с которого всё началось, на семь десятилетий истории, на сотни тысяч домов, на сотни тысяч обменов в год, на десятки стран и тысячи людей, — становится понятно, что обмен домами давно перестал быть необычной идеей для энтузиастов и превратился в большое международное движение, которое существует уже несколько поколений и продолжает расти, оставаясь при этом удивительно простым по своей сути. Потому что за всеми этими числами всё равно стоит одно и то же решение двух людей, которые соглашаются доверить друг другу свой дом и на время поменяться жизнью.

Платформа HomeExchange за последние годы стала для меня почти частью повседневной жизни. Со временем я настолько активно участвовала в этом сообществе, что меня пригласили стать амбассадором их специального раздела HomeExchange Collection, где собраны дома более высокого уровня — виллы у океана, старинные особняки в европейских городах, дома, построенные известными архитекторами, а иногда даже настоящие замки.

Каждый обмен всегда начинается одинаково — с небольшого сообщения на экране телефона. Иногда это короткое письмо из нескольких строк, написанное очень просто и почти официально: кто-то пишет, что собирается приехать в Испанию летом и хотел бы узнать, возможно ли обменяться домами. Иногда письмо оказывается длинным, и в нём люди

рассказывают о себе почти как в маленькой истории: кто-то живёт на острове и пишет, что у них есть лодка, два старых велосипеда и сад с лимонными деревьями, который посадил ещё дедушка, кто-то объясняет, что дети уехали учиться в университет и дом на время останется пустым, поэтому им хочется, чтобы в нём в это время кто-то жил.

Читая такие письма, я каждый раз ловлю себя на мысли, что за несколькими строками скрывается целая жизнь, и каждое новое сообщение — это ещё одна дверь, которая может открыться в совершенно другой мир. Именно это чувство и остаётся для меня самым важным во всей этой истории, потому что за всеми цифрами, статистикой и платформами в итоге стоит простая человеческая готовность довериться незнакомому человеку и на время впустить его в свой дом.

Остров Козуель, Мексика

Всегда плюс 25...

Есть одна деталь наших путешествий, о которой я часто вспоминаю с улыбкой, потому что она каждый раз повторяется, как будто по какому-то внутреннему закону, который я сама не планировала, но который всё равно работает.

Почти всегда, где бы мы ни находились, мы берём машину в аренду и за рулём чаще всего оказываюсь я. Так сложилось с самого начала, и со временем это стало естественным, мне проще ориентироваться, я люблю чувствовать дорогу, люблю сама выбирать повороты и места остановок. Когда много едешь по незнакомым дорогам, начинаешь чаще обычного смотреть на приборную панель. Сначала — на скорость, чтобы не пропустить ограничения, потом — на расстояние до следующего поворота, на навигатор, на время в пути. И почти всегда взгляд останавливается ещё на одной цифре, на которую обычно не обращаешь внимания в обычной жизни, — на температуре за бортом.

Однажды я вдруг заметила странную вещь. Мы ехали по очередной стране, я посмотрела на экран, и там было плюс 25. Я поймала себя на мысли, что уже видела эту цифру совсем недавно, хотя мы были в другом месте, в другой поездке, в другом времени. Сначала решила, что это просто совпадение, потому что летом во многих странах бывает примерно одинаковая погода.

Но потом начала вспоминать.

Италия — плюс 25.

Чехия — плюс 25.

Россия — плюс 25.

Германия снова — плюс 25.

Потом Америка, Калифорния, Флорида, Техас, Лас-Вегас, и опять почти то же самое. Португалия, Марракеш, Арабские Эмираты, Турция — снова эта же цифра. Юг Франции, Англия, Шотландия, Ирландия, Австралия, и опять на панели высвечивается плюс 25.

В какой-то момент я рассмеялась прямо за рулём, потому что вдруг поняла, что это уже не случайность. Получилось, что за годы путешествий я выстроила жизнь так, что почти всегда оказываюсь там, где около плюс 25. Для меня плюс 30 уже слишком жарко, особенно если нужно много ходить, ездить, смотреть, жить обычной жизнью, а не лежать у бассейна. Плюс 20 после долгого времени в Испании кажется прохладой, приходится надевать куртку, и уже нет того ощущения лёгкости. А вот плюс 25 — это ровно то состояние, когда комфортно и телу, и голове, когда можно целый день быть в движении и не устать от погоды.

Я иногда шучу, что это моя личная температура жизни. Поэтому теперь, когда утром я открываю новое сообщение на HomeExchange, я почти всегда сначала смотрю не на фотографии и не на описание, а на три простые вещи: какой это дом, где он находится и какая там будет погода в те да-

ты, когда мы можем поехать. Если я вижу на экране знакомую цифру плюс 25, внутри сразу появляется чувство, что всё складывается удачно, как будто ещё до того, как принято решение, уже понятно, что мы туда поедem. И тогда ответ обычно получается очень коротким. Одно слово. Yes.

И именно с этого слова чаще всего начинается ещё одно путешествие, о котором я пока ничего не знаю, кроме того, что там снова будет моя любимая температура.

Но прежде, с чего началась такая моя жизнь...

♥ Мечты
сбываются, только
мечтай ♥

Кармел, Калифорния, США

Моя семья

Я часто думаю о том, почему я стала именно таким человеком, каким стала. Я часто думаю, откуда берётся привычка спокойно относиться к сложным задачам, не бояться перемен, искать собственные решения, даже если они отличаются от общепринятых. Со временем начинаешь понимать, что многое в характере формируется очень рано и именно в той атмосфере, в которой проходит детство, в тех незаметных на первый взгляд деталях повседневной жизни, которые тогда кажутся совершенно обычными.

Я выросла в счастливой семье. Сейчас я уже произношу эти слова осознанно. В нашем доме было ощущение устойчивости, спокойствия и тепла. Тогда это воспринималось как естественный порядок жизни, как нечто само собой разумеющееся, не требующее объяснений и доказательств. Но именно из таких вещей постепенно складывается внутренняя опора, с которой человек потом живёт многие годы, даже если сам долго не осознаёт, откуда она появилась.

Многое в моём мышлении, как я теперь понимаю, связано с папой. Он начал заниматься со мной математикой ещё до того, как я пошла в первый класс. По вечерам мы садились за стол, открывали тетрадь, и он спокойно объяснял мне задачи. Иногда это были уравнения, довольно сложные для ребёнка моего возраста. Но тогда я воспринимала это просто

как наши обычные занятия. Для меня это не было чем-то особенным, это был привычный ритуал наших вечеров.

Только спустя много лет, когда у меня появились собственные дети, и я начала наблюдать за тем, как устроено их обучение, я поняла, насколько необычным это было. Мой младший сын сейчас учится в десятом классе по английской системе образования и только начинает подходить к подобным задачам. Старший, когда учился в университете в Лондоне, решал задачи примерно того уровня, с которым я сталкивалась ещё в начальной школе.

Но дело было не в самой математике. Папа объяснял не только решение. Он показывал, как устроена задача, как к ней можно подойти, какие шаги попробовать, где искать ответ. Он спокойно разбирал каждую деталь, словно у него было достаточно времени и терпения вместе со мной пройти весь путь поиска решения. Постепенно становилось ясно, что для него важен не столько правильный результат, сколько путь, которым человек к этому результату приходит.

Он никогда не настаивал на том, чтобы я повторяла его способ. Если я находила другой путь и могла объяснить свою логику, его это вполне устраивало. Возможно, именно тогда у меня и появилась привычка не искать единственно «правильный» способ, а пытаться понять саму структуру задачи. Эта моя особенность иногда приводила к странным ситуациям в школе. Когда учитель объяснял новую тему, я слушала не слишком внимательно, потому что похожие задачи мы

уже разбирали дома. Но мой способ решения часто отличался от того, который показывали на уроке, ответ получался правильный, а путь к нему выглядел иначе. Некоторых учителей это раздражало. Они хотели видеть точное воспроизведение алгоритма, который они только что объяснили. Когда решение выглядело иначе, меня просили переделать задачу «правильным способом».

Были и другие учителя. Они реагировали спокойно и иногда даже с интересом. Они видели, что ребёнок не просто повторяет готовую схему, а пытается понять задачу и найти собственный путь. Для них это было важнее.

Помню, перед поступлением в университет я занималась физикой с отцом своей подруги. Он был сильным преподавателем и относился к занятиям очень серьёзно. Мы разбирали сложные задачи, обсуждали решения, готовились к экзаменам. Недавно эта подруга приезжала ко мне в гости, и во время разговора она рассказала историю, о которой я раньше не знала. Оказывается, её папа часто говорил ей: «Держись Тани всегда. У неё особенный ум. Она всё делает по-своему, но у неё это всегда оказывается самым верным способом». А я тогда об этом даже не подозревала. Мне казалось, что я просто думаю и решаю задачи так, как привыкла.

Теперь, вспоминая всё это, я понимаю: привычка искать собственное решение появилась у меня очень рано. И появилась она потому, что рядом был человек, который относился к моим попыткам рассуждать самостоятельно спокойно и

уважительно. Папа и сейчас остаётся таким же человеком с ясным и точным мышлением. Его знания не привели к академической карьере и не сделали его профессором, но они дали ему способность спокойно анализировать любую ситуацию. А мне — уверенность в том, что любую проблему можно разобрать, если не бояться думать.

Но на мой характер повлиял не только папа. Потому что мама была совсем другой. Если папа связан в моей памяти с книгами, задачами и спокойными разговорами за столом, то мама всегда была связана с движением, красотой и энергией. Она была очень красивой женщиной, и эту красоту невозможно было не заметить. У неё было множество платьев. В детстве мне казалось, что их бесконечное количество. Украшения висели на зеркале, переливались и тихо звенели, когда она брала их в руки. Иногда я подолгу рассматривала серьги и бусы, как будто передо мной была небольшая коллекция.

Мама любила красиво одеваться, подбирать наряды, краситься. Она делала зарядку, следила за фигурой и почти всё время находилась в движении. В моей памяти она редко сидит спокойно, она собирается, переодевается, делает упражнения, быстро проходит по комнатам, занимается своими делами. При этом на ней лежали все обычные домашние заботы. Она готовила, следила за домом, решала повседневные вопросы. Но когда я вспоминаю тот период, в памяти остаётся не усталость, а ощущение лёгкости, словно жизнь в доме

двигалась естественно и свободно.

Есть одна сцена из детства, которая почему-то сохранилась у меня особенно ясно. Папа сидит в кресле и спокойно читает книгу. Мама стоит перед зеркалом и делает зарядку. В доме тихо, тепло и спокойно. Тогда я, конечно, не анализировала, что и как, но теперь я понимаю, что именно так у ребёнка постепенно складывается чувство надёжности.

В подтверждение того, что маму по-настоящему мало занимала материальная сторона жизни и гораздо больше волновала красота во всех её проявлениях, в нашей семье есть одна история, которую мы вспоминали много раз, и каждый раз она звучала почти одинаково, потому что в ней очень точно проявлялся мамин характер.

Однажды папа купил новую машину. В те годы сама возможность купить машину уже была событием, о котором говорили, к которому готовились, которое обсуждали с друзьями и знакомыми, потому что такая покупка требовала времени, ожидания и усилий. И вдруг... эту машину угнали. Не поцарапали, не вскрыли, не попытались что-то снять, её просто увезли, она исчезла, как будто её никогда и не было.

Папа пришёл домой очень расстроенный, сдержанный и серьёзный. Он сказал, что машины больше нет, что её угнали и что пока совершенно непонятно, найдут ли её вообще.

Мама услышала это и сразу подскочила.

— Боже, как? Украла машину?

Она на секунду замолчала, как будто пыталась предста-

вить себе, что именно произошло, а потом вдруг почти вскрикнула:

— Там же в машине мои новые туфли! В коробке! Я их только купила! Я даже ни разу их не надела! Мы что, не сможем их найти?

Папа начал спокойно ей объяснять, что нужно идти писать заявление в милицию, что будут проверять номера, что иногда машины находят, что существуют какие-то процедуры розыска. Мама слушала его, но всё время возвращалась к одному и тому же. Она снова и снова спрашивала про туфли. А через несколько минут опять уточняла, были ли они в машине, потом снова интересовалась, найдут ли их.

Папа переживал из-за машины, потому что понимал, сколько сил было потрачено на её покупку, а маму в этот момент волновали только туфли, которые она купила совсем недавно и ещё даже не успела надеть. Да, машина могла исчезнуть, деньги могли пропасть, но мысль о том, что новые туфли, аккуратно лежащие в коробке, теперь неизвестно где, казалась ей самой большой потерей во всей этой истории.

Она и сейчас остаётся такой же женщиной — красивой, живой, внимательной к себе, немного кокетливой, для которой мир всегда измерялся не стоимостью вещей и не их техническими характеристиками, а тем, как они выглядят, как они сочетаются друг с другом и какое настроение создают. Её интересовали цвет платья, форма каблука, оттенок помады, линия плеч у нового жакета или блеск украшения, кото-

рое она только что достала из шкатулки. И в этом была она вся, она никогда не делала вид, что её волнует то, что на самом деле ей безразлично.

Рядом с папой, который спокойно анализировал происходящее и привык рассматривать любую ситуацию с точки зрения логики и причинно-следственных связей, мама существовала в другом пространстве — в пространстве красоты, движения и настроения. И при всей этой разнице они очень любили друг друга. А ещё они очень любили меня, причём эта любовь никогда не сопровождалась условиями, требованиями или попытками её заслужить.

Каждый мой день рождения папа произносил один и тот же тост, со временем это стало почти семейной традицией. Он говорил о том, что у каждого великого художника, композитора или писателя есть один главный шедевр, которым он запоминается миру. У кого-то таким произведением становится картина, у кого-то симфония, у кого-то книга. А потом папа говорил, что его главный шедевр — это я. Этот тост он повторял каждый год и говорил это совершенно серьёзно. Иногда я думаю о том, как это влияет на ребёнка, когда он год за годом слышит такие слова от собственного отца. Наверное, именно поэтому у меня с детства сформировалось очень сильное чувство собственной ценности, ведь я росла в атмосфере, где со мной всё было изначально в порядке, и это никогда не ставилось под сомнение.

Я знала, что я красивая, потому что мама была красивой

женщиной и я видела, как похожа на неё. Я знала, что я умная, потому что папа разговаривал со мной как с человеком, способным понимать сложные вещи.

И ещё я знала, что меня любят, и эта любовь никогда не сопровождалась словами «если» или «потому что». Она существовала сама по себе, просто потому, что я есть я. В детстве мне даже не приходило в голову, что может быть как-то иначе.

Сейчас, когда я сама стала матерью и уже много лет наблюдаю за тем, как растут дети, я гораздо лучше понимаю, какое значение имеют такие вещи, ведь со временем начинаешь ясно видеть, что именно остаётся с человеком на всю жизнь и становится его внутренней опорой. И это не формулы, которые он когда-то выучил, и не платья, которые висели в шкафу, и даже не идеальные школьные оценки. Главное, что ребёнок может получить в семье, — это внутреннее чувство собственной ценности. Когда человек растёт с этим знанием, он иначе смотрит на жизнь. Ему не нужно постоянно искать доказательства собственной значимости и тратить силы на сомнения. Он принимает решения спокойнее, действует смелее и легче переживает перемены.

Иногда я думаю о том, что если в моей жизни есть внутренний стержень и, если мне действительно легко менять страны, дома, обстоятельства и даже целые жизненные этапы, то корни этого состояния находятся именно там, в моём детстве. Они находятся в той квартире, где папа спокойно

сидел в кресле и читал книгу, а мама стояла перед зеркалом и выбирала очередное платье.

Именно из такого дома я когда-то вышла в большой мир.

Между школой и домом

Когда я пошла в первый класс, между моим домом и школой стоял всего один дом, небольшой, немного старомодный, с высокими окнами и тяжёлой деревянной дверью, за которой находилась детская библиотека. Мне тогда казалось, что он стоит там не случайно, а как будто специально для меня, словно кто-то однажды решил, что между школой и домом обязательно должно быть место, куда ребёнок может зайти после уроков и немного побыть среди книг.

После школы дети обычно разбегались по дворам, кто-то сразу уходил домой, кто-то оставался играть на улице, а мне достаточно было пройти несколько шагов от школьных ворот, чтобы открыть ту тяжёлую дверь и оказаться в тихом читальном зале, где всегда стоял знакомый запах бумаги, картона и какого-то спокойствия, в котором не было ни спешки, ни шума, и где никто не задавал лишних вопросов и не торопил.

Наш город был небольшим, обычным советским городком, где родители почти у всех детей возвращались с работы довольно поздно, и пустая квартира после школы была привычной частью жизни. Поэтому мне никогда особенно не хотелось приходить туда сразу после уроков, а вот в библиотеке было совсем другое ощущение, там не было пустоты. Там были книги, и этого было достаточно, чтобы чувствовать се-

бя не одной.

Я читала всё, что мне предлагали библиотекари, не выбирая особенно долго, просто брала следующую книгу и начинала её читать, хотя довольно быстро стало понятно, что больше всего меня притягивают книги о математике и разных науках, потому что в них мир выглядел понятным и устроенным. В задачах всегда находилось решение, а у сложных явлений оказывались объяснения, которые можно было проследить шаг за шагом.

Иногда, читая, я поднимала глаза от страницы и несколько секунд смотрела в окно, где за стеклом шла обычная жизнь — люди шли по своим делам, проезжали машины, кто-то разговаривал у остановки. А у меня на столе лежала раскрытая книга, из которой я узнавала про далёкие галактики, глубины океанов или устройство атома, и это странным образом расширяло пространство вокруг, хотя я продолжала сидеть за тем же самым столом в маленьком читальном зале небольшого городка.

Однажды библиотекарь, которая давно уже знала меня в лицо и всегда улыбалась, когда я приходила за новой книгой, сказала мне почти будничным тоном, что книг, которые я обычно беру, больше не осталось, потому что я уже прочитала всё из того, что есть в детской библиотеке.

Я тогда почувствовала лёгкую растерянность и даже небольшую грусть, потому что привыкла к тому, что книги здесь никогда не заканчиваются, но она почти сразу добави-

ла, что есть ещё энциклопедии. Это тогда прозвучало так, как будто передо мной открывается ещё одна полка, на которую я просто раньше не обращала внимания. Энциклопедии были огромными, тяжёлыми томами, формата А2, и когда я раскрывала их на столе, страницы занимали почти всё пространство передо мной так, что приходилось немного отодвигаться, чтобы увидеть разворот целиком. Я листала плотные страницы, рассматривала схемы, карты и рисунки, читала короткие объяснения, и постепенно у меня возникало ощущение, что мир становится гораздо больше, чем я представляла раньше.

Так прошло несколько лет, и однажды библиотекарь снова позвала меня к столу и сказала, что теперь ей действительно больше нечего мне предложить, потому что всё, что можно было читать в этой библиотеке, я уже прочитала.

В тот момент я впервые почувствовала странное ощущение, которое тогда ещё не могла толком сформулировать словами, но оно было похоже на мысль о том, что пространство вокруг вдруг сузилось, как будто рамки привычного места неожиданно подошли совсем близко. К счастью, библиотекарь сразу же добавила, что через дорогу находится взрослая библиотека, и, если я хочу, я могу попробовать взять книги там.

Фраза «через дорогу» звучала тогда гораздо серьёзнее, чем может показаться сейчас, потому что для ребёнка это означало перейти из детского пространства во взрослое, где

всё устроено немного иначе и где, как мне казалось, меня могут просто не пустить.

Но дорогу я всё-таки перешла. В той библиотеке работала мамина подруга, и благодаря ей мне начали давать книги, которые обычно детям не выдавали. Это были уже совсем другие тексты — не только истории, но и книги о людях, о разных эпохах, о странах, о судьбах, которые складывались в сложные и порой противоречивые человеческие истории.

Я думаю о том, что, возможно, именно тогда, почти незаметно для себя, я усвоила одно очень простое правило, которое потом много раз помогало мне в жизни: если в одном месте заканчиваются книги, это не означает, что заканчивается сам путь. Иногда достаточно просто перейти дорогу, чтобы открыть для себя другую библиотеку.

Багаиские острова

Читают все

Вспоминая свои детские библиотеки, неожиданно из глубины моей памяти всплыла одна история, о которой я много лет совсем не думала и которую, как мне тогда казалось, я давно вычеркнула из своей жизни. Хотя сейчас я понимаю, что именно она объясняет многое, и моё отношение к книгам, и то, как позже я научилась строить вокруг себя целые миры.

Мне было десять лет, когда я стала читателем взрослой библиотеки, хотя по всем правилам я была для этого очень мала. Библиотекарь, поднимая на меня глаза поверх очков и внимательно разглядывая маленькую читательницу, каждый раз напоминала, что сидеть в читальном зале мне нельзя, потому что это библиотека для взрослых. В её голосе, произносившем эти слова спокойно и почти официально, слышался порядок, установленный когда-то давно и не подлежащий обсуждению. А я была ребёнком, при этом довольно упрямым, и, выслушивая её объяснения и принимая правила такими, какие они есть, я довольно быстро решила для себя, что если в читальном зале сидеть нельзя, то читать я буду дома, не превращая этот запрет в проблему.

Она выдавала мне книги сразу большими стопками, обычно по десять томов, иногда даже больше, и каждый раз, стоя у стола и перебирая предложенные книги, я мучительно пы-

талась выбрать. Каждая из них казалась чем-то важным, какой-то новой дверью, за которой скрывается ещё одна часть мира, о котором я пока ничего не знаю. В итоге, возвращаясь домой с тяжёлой сумкой и раскладывая книги на столе, я довольно быстро выработала для себя привычку читать сразу по две книги, открывая одну утром, а другую вечером и постепенно продвигаясь в обеих.

Прочитанные книги я возвращала почти сразу, снова приходя в библиотеку и протягивая их через стол, после чего брала новые. Поэтому дома у меня постоянно стояли стопки библиотечных томов, на письменном столе, на подоконнике, возле кровати, и создавалось ощущение, что книги постепенно занимают всё больше пространства вокруг меня. Взрослые, возможно, видели в этом обычный беспорядок, но для меня эти стопки книг, лежащие в разных углах комнаты, были чем-то вроде личной территории, небольшим форпостом взрослого мира, постепенно перемещающегося в мою жизнь.

Примерно в то же время я узнала, что мама одной девочки из моего класса работает библиотекарем, но не в обычной городской библиотеке, а при огромном промышленном заводе. Та девочка, стараясь быть рядом со мной и постоянно предлагая дружбу, очень хотела стать моей подругой, и, если честно, тогда это было довольно привычной ситуацией, потому что со мной часто старались подружиться. А мне в тот момент было нужно попасть в ту библиотеку.

Мы сели с ней на автобус, доезжая до заводского района и поднимаясь по ступеням к зданию библиотеки, где всё выглядело иначе, чем в детской. В воздухе стоял запах бумаги, пыли и какого-то тяжёлого заводского воздуха, который чувствовался даже в коридорах. Но больше всего меня поразили не книги, а то, что находилось рядом с ними — огромные стопки библиотечных формуляров, аккуратно напечатанных карточек, сложенных в коробки и подготовленных почти промышленными масштабами. Это была настоящая библиотечная система, только в каком-то странном виде, потому что читателей вокруг почти не было.

Я не помню, как именно это произошло, но каким-то образом, разговаривая с мамой подруги и с интересом разглядывая коробки с карточками, мне удалось уговорить её подарить мне несколько коробок этих формуляров. Возможно, она просто решила, что ребёнку будет интересно поиграть в библиотеку, не предполагая, что для меня это окажется началом серьёзного проекта. Именно с этого момента всё изменилось.

Начав покупать книги и постепенно собирая их у себя дома, я довольно быстро поняла, что меня интересуют уже не детские издания. Детские книги я к тому времени уже не читала. Мне нужны были книги, помогающие понимать мир: науки, история, география, философия. Принося домой каждую новую книгу, я нумеровала её, заводя в специальный реестр, аккуратно приклеивала внутри библиотеч-

ный кармашек, куда вставлялся формуляр с отметкой о том, кому и до какого числа выдана книга. Так, постепенно систематизируя книги и раскладывая карточки по порядку, я создала дома собственную библиотеку.

Сначала я оформила читательские карточки для своей семьи, сделав для них отдельный ящик и аккуратно расставив формуляры, чтобы их можно было легко находить. Но довольно быстро, наблюдая за почти неподвижной системой, я поняла, что читателей слишком мало, а библиотеке нужен оборот. Тогда передо мной возник вполне практический вопрос: где взять читателей? Решение оказалось довольно простым.

Наш дом находился всего через дом от школы, и это обстоятельство, на которое раньше никто не обращал особого внимания, неожиданно сыграло мне на руку. После уроков я пригласила к себе весь класс, и почти тридцать человек, заканчивая занятия и выходя из школы, начали приходить ко мне домой.

Сначала я обязательно кормила их всем, что находилось на кухне, раскладывая еду по тарелкам и наблюдая, как исчезают запасы. Родители, возвращаясь с работы и открывая холодильник, каждый раз недоумённо спрашивали, куда пропала еда. После этого я рассаживала всех рядами, стараясь устроить всё так, как это делается в настоящем читальном зале. Подходя ко мне по очереди, дети выбирали книги, а я записывала в формуляре фамилию, дату выдачи и дату воз-

врата, тщательно следя за порядком.

Девочкам эта система нравилась. Некоторые из них, унося книги домой и возвращая их через несколько дней, действительно читали, а иногда даже обсуждали между собой прочитанное. С мальчиками всё оказалось гораздо сложнее. Им было трудно долго сидеть спокойно, читать и соблюдать порядок. Начав сначала тихо переговариваться, они постепенно переходили к шуму, возне и своим играм. Я воспринимала это почти как личное оскорбление самой идеи библиотеки. Подходя к ним и делая замечания, я пыталась вернуть порядок, а бывало, признаюсь честно, могла слегка стукнуть линейкой по голове, считая, что дисциплина необходима. Со временем мальчики перестали приходить. Остался только один, которому я очень нравилась и который, ради возможности быть рядом, был готов даже читать. В итоге у меня осталось примерно пятнадцать девочек — постоянных читательниц, регулярно берущих книги, возвращающих их вовремя и терпеливо подходящих ко мне за новыми.

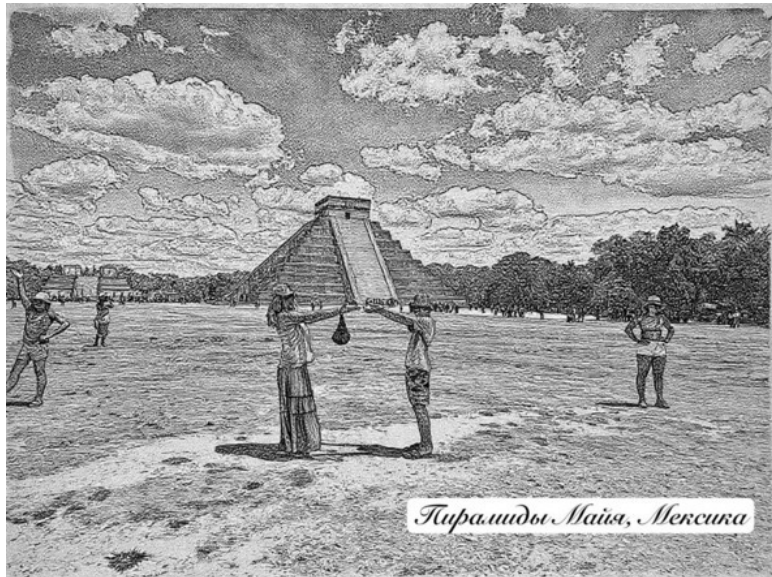
И именно тогда, наблюдая за этим маленьким миром, во мне родилось довольно жёсткое чувство, которое позже я долго пыталась осмыслить. Это было почти презрение к людям, не желающим читать. Я искренне не понимала, как можно не хотеть открыть книгу. Мне казалось странным снова и снова выбирать одну и ту же палку во дворе, одно и то же пространство, и одну и ту же картинку, когда можно открыть книгу и оказаться в другой стране, в другом времени и

прожить другую жизнь. Ведь мир лежал перед нами огромный и открытый, и нужно было лишь протянуть руку.

Часто мне кажется, что именно тогда, разбирая картонные карточки, заполняя формуляры и аккуратно ведя реестр, я впервые почувствовала особое уважение к людям, которые думают, ищут, задают вопросы и не довольствуются поверхностными ответами.

Сегодня, оглядываясь на свою жизнь, на страны, в которых я жила, на дома, которыми обменивалась, на разговоры за столами в разных уголках мира, я всё чаще замечаю одну и ту же закономерность: меня всегда притягивали люди с глубиной, и, возможно, всё началось именно с той библиотеки, когда мне не разрешили сидеть в читальном зале. Ведь именно тогда я неожиданно поняла простую вещь: если тебе закрывают дверь, это не повод уходить, это повод построить собственное здание, со своим каталогом, со своими правилами и со своими читателями. А ещё, возможно, именно там, среди коробок с формулярами и детского упрямства, тихо и незаметно появилась будущая писательница.

Увидим...

Пирамиды Майя, Мексика

СССР — страна, которой больше нет на карте

Со временем мне пришлось покинуть родной город. Это произошло довольно естественно и почти незаметно, потому что к тому моменту я уже чувствовала: пространство, в котором прошли мои детские и юношеские годы, постепенно становится для меня слишком маленьким.

Наш городок был уютным, спокойным, знакомым до каждой улицы и каждого поворота. Я знала, где находятся самые тихие дворы, где летом пахнет сиренью, а где зимой всегда собирается ветер. Но именно эта предсказуемость и начала меня ограничивать, мне казалось, что я знаю его целиком и что дальше всё будет повторяться: те же дома, те же лица, те же разговоры. А внутри уже росло ощущение, что жизнь должна быть больше, чем этот круг привычных маршрутов.

Поэтому после школы я уехала в областной центр и поступила в университет. Тогда мне казалось, что это уже серьёзный шаг вперёд и что именно там откроется пространство, в котором можно по-настоящему развернуться. Некоторое время так оно и было. Новый город, новые люди, университетская жизнь, самостоятельность, всё это давало ощущение движения вперёд. Мир становился шире, появлялись новые разговоры, новые идеи, новые знакомства. Но доволь-

но быстро я поймала себя на мысли, что и этот город начинает казаться мне тесным.

*В любимой сестренкой
Настей, Москва*

Книга об этикете

К двадцати годам, когда моя жизнь уже переместилась в большой город, изменилась и сама среда вокруг меня, улицы стали шире, людей стало больше, а привычные пространства, в которых проходили дни, приобрели совсем другой масштаб.

В самом центре города стояла огромная библиотека сталинской эпохи — массивное здание с высокими колоннами, широкими каменными ступенями и тяжёлыми дверями, которые приходилось открывать с усилием, входя внутрь и сразу оказываясь в пространстве, где каждый звук отдавался гулким эхом. Всё внутри — высокие потолки, длинные ряды столов, строгие лампы над ними — создавало ощущение торжественности, как будто знание в этом месте действительно считалось чем-то особенным, требующим уважения и сосредоточенности.

Мы проводили там много времени, потому что так была устроена учёба, ведь почти все материалы можно было найти только в читальном зале. Интернета тогда не существовало, и, если тебе было нужно узнать что-то новое, ты просто приходил сюда, поднимался по ступеням между колоннами, сдавал в гардероб пальто, получал нужные книги и садился за стол, проводя за ними долгие часы.

Именно по дороге в эту библиотеку я познакомилась со

своим будущим мужем. Он к тому времени уже был успешным предпринимателем. К тридцати годам он успел заработать свой первый миллион долларов, уверенно чувствовал себя в деловом мире и заметил тихую девочку из университета, которая почти всегда приходила в библиотеку с книгами под мышкой. Он начал за мной ухаживать, и постепенно в нашей жизни появились совместные поездки, ужины, разговоры, во время которых я довольно быстро заметила, что между нами существует разница в опыте и в привычках, которые формируются у людей, живущих в разных средах. Однажды, когда я садилась в машину, он, наблюдая за моим движением и чуть наклонившись в мою сторону, мягко сказал, что ноги в таких случаях принято ставить немного иначе, показав жестом, как именно. В другой раз, сидя в ресторане и спокойно наблюдая за тем, как я беру приборы, он объяснил, что их используют в определённой последовательности, начиная с тех, что лежат дальше от тарелки.

Он говорил это спокойно, без раздражения и без желания задеть, скорее так, как человек объясняет что-то очевидное для себя, предполагая, что другому это просто пока не известно. И в какой-то момент, слушая его и наблюдая за собой со стороны, я вдруг довольно ясно поняла, что мне действительно не хватает этих знаний.

Я не обиделась и не почувствовала желания спорить или защищаться, я просто снова пошла в библиотеку, где довольно быстро нашла тонкий том с иллюстрациями, аккуратно

оформленный и написанный очень понятным языком, без сложных объяснений и без лишних украшений. Я прочитала эту книгу три раза подряд, почти выучив её наизусть. Я запоминала не только сами правила, но и то, как именно описывались движения, как человек должен держать руки, как делать паузы в разговоре, как вести себя за столом. Постепенно, возвращаясь к этим страницам снова и снова, я начала замечать, что запоминаю не только содержание, но и интонацию этих правил, внутреннюю логику жестов и даже ритм поведения, который стоял за ними. В какой-то момент я поняла, что знаю об этикете больше, чем он. И произошло это не потому, что мне хотелось что-то доказать ему. Просто к тому времени я уже хорошо знала один простой закон жизни, если тебе кажется, что тебе чего-то не хватает, почти всегда это знание уже существует и уже где-то записано, нужно только найти книгу, в которой оно объясняется.

Так, часто проводя время в библиотеке, я окончила университет, но моё внутреннее ощущение не менялось, я понимала, что дальше нужно двигаться. Поэтому следующим шагом стал ближайший город-миллионник. По сравнению с предыдущими местами он казался мне огромным, здесь было больше людей, больше возможностей, больше энергии. Всё происходило быстрее, шумнее, ярче. Но прошло всего около года, и я снова почувствовала знакомое состояние: пространство снова стало сжиматься.

Кстати, иногда меня спрашивают, почему я не называю

конкретные города, через которые прошла моя жизнь, причина довольно простая. Во-первых, я не хочу задеть людей, которые продолжают там жить и для которых эти места остаются родными и любимыми. Каждый человек воспринимает пространство по-своему. То, что для одного кажется ограничением, для другого может быть источником спокойствия и устойчивости. А во-вторых, если честно, названия здесь не так важны. Эта история могла произойти практически в любом городе. Речь ведь идёт не столько о географии, сколько о внутреннем состоянии человека, которому постоянно хочется идти дальше.

Мне всё время казалось, что мир гораздо шире того пространства, в котором я нахожусь. Внутри было сильное, почти физическое желание увидеть больше, понять больше, попробовать больше. Иногда я думаю об этом так: будто птица расправила крылья и почувствовала, что может лететь выше и дальше. Ей уже недостаточно просто сидеть на ветке и смотреть вокруг, ей нужно подняться в воздух и посмотреть, как устроен весь мир. А мир действительно оказывался удивительно красивым, достаточно просто посмотреть вокруг, чтобы это понять. Человек за всю историю пока не создал ничего сопоставимого с тем, что уже существует на земле. Горы, моря, леса, бесконечное пространство неба, всё это было создано задолго до нас, и иногда кажется, что человеку остаётся только открываться этому миру, постепенно позволяя это себе.

Так я оказалась в столице, и Москва изменила всё. Этот город оказался совсем другим масштабом жизни, и я почувствовала это почти сразу. Здесь было движение, которое не останавливалось ни днём, ни ночью. Здесь были люди, у которых были большие планы, большие проекты и очень высокая скорость жизни. Москва открыла передо мной огромный мир возможностей. Появились новые знакомства, новые идеи, новые задачи. В городе всегда происходило что-то интересное, выставки, спектакли, встречи, бесконечные разговоры, которые начинались с раннего утра и могли продолжаться до глубокой ночи. Улицы были полны жизни. Театров было так много, что невозможно было успеть везде. Люди вокруг постоянно куда-то двигались, что-то строили, придумывали, начинали. Именно там я впервые почувствовала настоящее ощущение свободы.

Жизнь постепенно поднимала меня всё выше внутри этого большого и очень амбициозного города, и в какой-то момент у меня появилось почти физическое ощущение, что передо мной открыт весь мир.

Книга всему голова

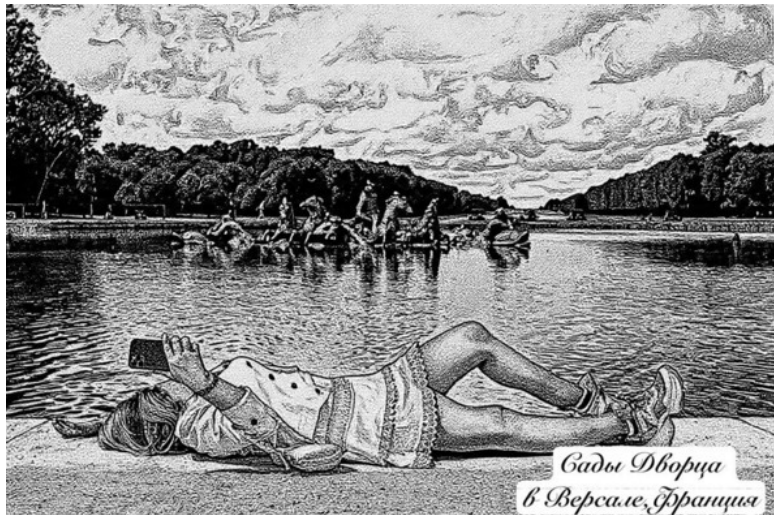
Часто я ловлю себя на простой мысли, что в каком-то смысле всю свою жизнь я просто переходила из одного читального зала в другой, меняя города, обстоятельства и возраст, но почти всегда оказываясь рядом с полками книг. Каждый раз, когда жизнь менялась и привычный порядок вдруг сдвигался, я, почти не задумываясь, интуитивно шла к книгам, открывая новую книгу и как будто расширяя пространство вокруг себя. Я никогда не искала в книгах готовых советов и не ждала, что они скажут мне, как правильно жить. Книги не давали инструкций и не обещали лёгких ответов, но, читая их и постепенно проживая вместе с героями их судьбы, я чувствовала, как мой собственный мир становится шире и глубже. Они не утешали и не наставляли, они просто делали мой мир больше.

Однажды, оглянувшись назад и пытаясь связать между собой разные годы жизни, я вдруг заметила странную закономерность. Всё, что я когда-то так жадно читала в детстве — истории о судьбах людей, о странах, о характерах, о сложных отношениях и неожиданных поворотах жизни — со временем начало происходить со мной самой. Переезжая из одной страны в другую, открывая новые города, входя в новые дома людей, которых раньше не знала, слушая другие языки и понимая их, я вдруг почувствовала, что моя собственная жизнь

стала чем-то похожа на те книги, которые когда-то стояли у меня на столе.

Моя жизнь постепенно превратилась в книгу с множеством глав, каждая из которых начиналась с нового пространства и новых людей. И почти в каждой из этих глав, иногда буквально, иногда почти незаметно, присутствовала библиотека, настоящая, с полками и столами, или невидимая, состоящая из тех книг, которые уже жили во мне.

Наверное, именно поэтому я и решила написать эту книгу. И не потому, что считаю свою историю особенной или исключительной, а потому, что слишком хорошо знаю одну простую вещь: иногда одна случайно найденная книга способна изменить траекторию чьей-то жизни сильнее, чем долгие разговоры и советы. И теперь, возможно, кто-то откроет мою книгу и, прочитав несколько страниц, тоже решится перейти свою дорогу.

*Сады Дворца
в Версале, Франция*

Мои первые путешествия

Мои первые путешествия в другие страны начались в те годы, когда я была замужем за своим Виктором I, и именно рядом с ним я впервые оказалась в ситуации, которая раньше казалась мне почти невозможной: можно было легко купить билет, сесть в самолёт и через несколько часов оказаться на другом конце света.

Для меня это было по-настоящему удивительным опытом, потому что я выросла не в столице и долго жила в среде, где мир за пределами страны существовал скорее как абстрактная география из школьных учебников. Самолёты, дальние континенты, другие культуры казались чем-то далёким и почти недостижимым, и я никогда не представляла себе, что всё это может однажды стать частью моей собственной жизни. А потом вдруг появились билеты, маршруты, бронирования отелей, разговоры о перелётах через океан и названия стран, которые раньше звучали как что-то из чужой биографии.

Самое неожиданное заключалось в том, что организовывала эти путешествия бывшая жена моего мужа. К тому моменту она уже жила в Москве, а мы всё ещё оставались в довольно далёкой от столичной жизни провинции, поэтому вся логистика, все решения и все маршруты рождались там, далеко от нас, и уже в готовом виде попадали в нашу жизнь.

Именно она однажды предложила нам отправиться в Австралию.

Иногда я, вспоминая эту историю спустя годы, ловлю себя на мысли, что выбор направления был довольно необычным, потому что для первых путешествий обычно выбирают что-то ближе и понятнее — Европу или хотя бы страны, до которых лететь не так долго. Австралия же находилась почти на другом конце планеты, и в моём воображении она тогда была связана прежде всего с рассказами о пауках, змеях и другой экзотической живности, которая, как мне казалось, только и ждёт возможности кого-нибудь укусить.

Но решение уже было принято.

Она бронировала для нас отели, продумывала маршрут, оплачивала экскурсии, составляла программу так, как это делают профессиональные организаторы путешествий. В план входили индивидуальные гиды, редкие музеи, природные места, которые, по её мнению, обязательно нужно было увидеть, и даже какие-то особые участки джунглей, о существовании которых я бы никогда не узнала сама. Мой муж относился к её решениям с полным доверием и был абсолютно уверен, что она точно знает, куда стоит ехать и что действительно заслуживает внимания.

Надо признать, что эти путешествия были действительно роскошными. Это всегда были индивидуальные туры без туристических групп, с персональными гидами, с возможностью спокойно смотреть на невероятные природные пейзажи

и города, не оказываясь в толпе. Всё было продумано до мелочей, все переезды были удобными, все остановки логичными, и с организационной точки зрения всё работало безупречно.

И всё же внутри меня в этих поездках постепенно появлялось странное чувство лёгкого раздражения.

Я не участвовала в создании путешествия. Я была в нём скорее пассажиром, человеком, который просто движется по заранее составленному маршруту. В те годы я была ещё довольно молодой, прекрасно понимала, что знаю о мире совсем немного, и поэтому спокойно доверяла тем, кто считался опытнее и профессиональнее. Но где-то внутри уже начинало возникать желание однажды самой складывать маршрут, самой решать, куда ехать и что смотреть.

Виктор I (так я называю своего первого мужа) был человеком довольно капризным, особенно когда речь заходила о еде и сервисе. Поэтому практически в каждой стране, куда бы мы ни приезжали, первые разговоры нередко начинались с того, что ему что-то не нравилось.

В Австралии он довольно долго объяснял нашему индивидуальному гиду, что еда в местных ресторанах кажется ему невкусной, что дома всё устроено гораздо лучше, что у нас есть личный повар и несколько ресторанов, где можно попробовать любую кухню мира. Он говорил это спокойно, но достаточно настойчиво, перечисляя преимущества нашей привычной жизни и добавляя, что, пожалуй, единственное,

чего у нас нет, — это кенгуру и тропических лиан.

Гид выслушивал его очень внимательно, не перебивая, и однажды предложил неожиданное решение. Он сказал, что знает одну очень интересную семью и может нас с ней познакомить. Женщина была русская, из Москвы, а её муж — австралиец. По его словам, они очень любили принимать у себя русских гостей, потому что в их доме часто собиралась русскоязычная компания, и они всегда радовались возможности поговорить на родном языке и накормить гостей привычной едой.

Так мы оказались у них в гостях.

Дом оказался большим и очень необычным. Его спроектировал сам хозяин, и формы здания напоминали знаменитые раковины сиднейского оперного театра, только уменьшенные и адаптированные для частного пространства. В доме было несколько уровней, много стекла, света и воздуха, и всё это создавало ощущение, что архитектура здесь была не просто функциональной, а действительно продуманной.

Хозяйка дома рассказала нам свою историю, и сделала это очень спокойно, без попытки произвести впечатление. Когда-то она мечтала о жизни в Австралии и решила приблизить эту мечту довольно необычным способом. Она устроилась работать в посольство Австралии преподавателем русского языка для австралийцев. Её английский язык тогда был довольно слабым, но именно поэтому она оказалась для своих студентов идеальным преподавателем, потому что на за-

нятиях никогда не переходила на английский и заставляла всех думать и говорить исключительно по-русски.

Однажды на её курсы пришёл австралиец, который очень хотел выучить русский язык. Так они и познакомились.

Со временем их отношения стали серьёзными, и он увёз её в Австралию, в этот дом, который построил специально для их жизни. У них родился ребёнок, который учился в школе совершенно необычного для нас типа, потому что занятия проходили в открытом пространстве, без привычных закрытых школьных корпусов, среди воздуха, зелени и свободного пространства. К дому иногда приходили кенгуру. Не где-то в заповеднике и не в зоопарке, а прямо к дому, как будто это была обычная часть окружающей среды.

У хозяина был собственный вертолёт, и однажды он предложил нам небольшую экскурсию с воздуха. Тогда я впервые в жизни увидела побережье Голд-Коста и Сиднея сверху, наблюдая, как океан тянется вдоль берега, как белая линия пляжа разделяет воду и землю и как далеко уходит горизонт. С высоты всё выглядело иначе, и мир, который казался огромным, вдруг становился почти игрушечным.

Ещё одним его увлечением была коллекция антикварных автомобилей. В его гараже стояли длинные Rolls-Royce, старые Cadillac и другие машины, которые выглядели так, словно только что выехали из чёрно-белого фильма. Каждый раз, когда они приезжали к нам в отель, они появлялись на новой машине, и это было похоже на небольшое представление.

Но самым интересным в этой истории было не богатство и не техника.

Муж этой женщины был уверен, что ей иногда бывает грустно вдали от родины, и поэтому он постарался создать вокруг неё привычную среду. Он постепенно собрал вокруг неё русскую компанию, и их дом стал местом встреч. Двери там почти никогда не закрывались. Люди могли приходить без звонка, просто зайти, сесть за стол, поговорить. Они обсуждали Россию, спорили, вспоминали прошлое, смеялись и делились новостями.

И именно там я впервые увидела со стороны, как русские люди могут жить за границей. Не временно, не в ожидании возвращения, а по-настоящему, строя свою жизнь в другой стране, даже в такой далёкой и непривычной, как Австралия. Для меня это стало первым настоящим столкновением с мыслью о том, что жизнь может происходить где угодно, и что дом не обязательно связан с одной точкой на карте. Мир вдруг оказался гораздо больше, чем он выглядел из провинции.

И, возможно, именно тогда, находясь в этой странной и одновременно очень живой атмосфере, среди разговоров на русском языке, кенгуру, вертолётов и постоянно открытых дверей, во мне впервые появилась тихая мысль о том, что однажды и я тоже смогу жить в разных домах и в разных странах. Но только уже по маршруту, который выберу сама.

*Наш пентхаус на обшеч-
ном ул. Канн, Франция.*

Дом, милый дом. Москва, Россия

Власть знает

Путешествия с Виктором II (это мой второй муж), которого я в этой книге называю человеком Власти, были устроены совершенно иначе, чем те поездки, к которым я привыкла раньше. И, как ни странно, их организацией снова занималась не я. Дело в том, что мой муж много лет управлял государственной собственностью России за рубежом — посольствами, полпредствами и другими объектами, расположенными в столицах разных стран. В связи с этой работой наши поездки, а их за годы набралось не меньше пятидесяти, происходили почти на официальном уровне, даже если формально они считались частными.

Процесс всегда начинался одинаково. Мы называли секретарю даты, когда хотим уехать. Секретарь покупала билеты, после чего информация передавалась в посольство той страны, куда мы направлялись. С этого момента включалась довольно хорошо отлаженная система, которую сотрудники между собой называли словом «приём».

Если поездка была в Париж, Вену, Прагу, Цюрих или Рим, всё происходило по одной и той же схеме, в которой каждая деталь была заранее продумана.

Посольство выбирало отель, который считался лучшим в городе, и чаще всего это был сыут в пятизвёздочной гостинице. В аэропорту нас встречала машина с водителем и ги-

дом, обязательно русскоязычным. Обычно это был человек, который жил в этой стране уже много лет и прекрасно понимал, что именно нужно показать и как это сделать так, чтобы всё выглядело достойно и правильно.

Программа поездки составлялась почти по часам. Не имело значения, были ли это три дня или пять. Каждые два часа в расписании появлялся новый пункт. Где будет обед. Во сколько встреча с послом. Нужно ли посетить фабрику, завод или какой-то объект, если это имеет отношение к работе. Всё было организовано строго, чётко и очень красиво.

И вначале всё это меня очаровывало. Вип-зал в аэропорту. Премиальный автомобиль. Водитель в строгом костюме. Роскошные интерьеры посольств, где тяжёлые шторы, лепнина и хрустальные люстры создавали ощущение старого европейского величия. Накрытые столы с русскими блюдами где-нибудь во Франции или Италии, где сотрудники посольства старались создать атмосферу дома. Со стороны всё это выглядело очень парадно.

Мы ехали по улицам, мимо которых проносились музеи, театры, старые здания и площади. Мы смотрели на них из окна машины, иногда останавливались на несколько минут, чтобы сделать фотографии, а потом снова садились в автомобиль и двигались дальше.

На музеи времени не было, они не входили в расписание. И где-то на третьем или четвёртом таком путешествии со мной произошло странное внутреннее открытие. Я сидела

в прекрасном отеле, слушала красивые рассказы о стране, ужинала с послом, ехала по идеально составленным маршрутам и вдруг поймала себя на простой мысли. Я не знаю эту страну. Я приехала в неё впервые и в то же время как будто в ней не была.

После этого я начала иногда просить мужа, чтобы вечером мы выходили одни. Я говорила ему, что хочу просто пройтись по городу без сопровождения, без гида, без водителя и без программы. И часто, когда после официального ужина нас привозили в отель и считалось, что день завершён, мы тихо выходили из гостиницы и уходили гулять. Муж относился к этому с интересом, он сам был человеком с чувством юмора и с определённой склонностью к неожиданным решениям, поэтому соглашался на такие маленькие авантюры без долгих обсуждений.

Мы гуляли по вечернему Парижу, по Милану, по Праге, просто двигаясь по улицам без цели и без заранее выбранного маршрута. Постепенно у нас даже появилась своя шутка. Мы уже знали, где обычно сидят бездомные, где собираются странные ночные компании, где работают девушки лёгкого поведения. Спускаясь вечером в бар, иногда выпивая по бокалу виски, я говорила ему:

— Ну что, пойдём к нашим бомжам и проституткам?

И мы шли.

Это происходило не из желания увидеть что-то скандальное, нам просто было интересно увидеть город таким, каким

он живёт на самом деле, почувствовать его запах, услышать его ночные разговоры, увидеть людей, которые не входят в парадную часть городской жизни. И это было гораздо интереснее официальных приёмов.

И всё же даже тогда я понимала, что это тоже не настоящее знание страны. Это был взгляд на город через стекло, просто с другой стороны. Проезжая днём мимо музеев, я всё время ловила себя на мысли, что хочу вернуться туда и провести там несколько часов, медленно переходя из зала в зал, рассматривая картины и слушая тишину музея. Но в расписании таких остановок не существовало.

И тогда я решила, что когда-нибудь я вернусь сюда сама. Без программы, без сопровождения и без обязательных встреч. Я пройду по этим городам тем маршрутом, который выберу сама. Со временем эта мысль превратилась в мечту.

И эта мечта сбылась. Она сбылась благодаря обмену домами, который позже вошёл в мою жизнь и открыл возможность жить в разных странах не как гость на несколько дней, а как человек, который на время становится частью города. Я вернулась во все эти столицы и почти во все европейские страны, в которых когда-то побывала в тех официальных поездках. Сегодня трудно назвать европейскую страну, где бы я ни была, и во многие из них я возвращалась по несколько раз.

И именно тогда я осознала простую разницу: официальный приём связан со статусом, а настоящее путешествие —

со свободой.

Сегодня я благодарна жизни за оба этих опыта, потому что один из них показал мне, как устроена парадная сторона мира, а другой позволил увидеть его по-настоящему, и, если бы не было тех тщательно организованных поездок, возможно, я никогда бы так ясно не почувствовала, что мне нужно совсем другое путешествие.

Моё собственное.

Испания

Однажды жизнь привела меня в Испанию. Моё первое знакомство с этой страной произошло на Пальма-де-Майорке, и это было одно из тех впечатлений, которые возникают сразу, без долгих размышлений. Иногда достаточно нескольких дней, чтобы почувствовать, что место тебе подходит. Климат, солнце, воздух, люди, которые улыбаются легко и открыто, плодородная земля, на которой всё растёт почти само собой, всё это создавало ощущение гармонии и спокойствия. Тогда я ещё не могла представить, что судьба потом приведёт меня сюда снова, притом не просто приведёт, а буквально поселит.

В моей жизни неожиданно появился дом, который был подготовлен моим будущим мужем задолго до нашей встречи. Он построил его за десять лет до того, как мы познакомились. Дом стоял недалеко от моря. Он был красивым, уютным и устроенным так, что в нём уже было продумано всё до мельчайших деталей. Жизнь там уже была выстроена, словно кто-то заранее приготовил пространство, в котором однажды должна была появиться новая глава моей судьбы.

Позже я много раз слышала от людей одну и ту же фразу. Они говорили, что я, наверное, поцелована Богом, раз так легко оказалась в этом месте, которое многие называют настоящим раем на земле, да ещё и в доме, где всё уже было

готово для жизни. Люди говорили это искренне, потому что со стороны всё действительно выглядело именно так. Но у меня тогда были совсем другие мысли.

Я почему-то была уверена, что, если это место выбрали за меня, значит где-то в мире есть и другие, возможно ещё более интересные пространства, которые мне ещё только предстоит увидеть. И эта мысль не исчезла со временем. И, возможно, именно это чувство, это ощущение, что впереди всегда есть ещё один горизонт, и стало одной из главных движущих сил моей последующей жизни.

В первые дни в Испании всё действительно казалось почти нереальным, как будто я вдруг оказалась внутри красивой открытки, где каждая деталь чуть ярче и теплее, чем в привычной жизни. Свет здесь был другим, более плотным и золотистым, воздух казался мягче и теплее, а рассветы приходили так спокойно и красиво, что каждое утро воспринималось как отдельная маленькая история, которую хочется прожить внимательно, не торопясь.

Я много гуляла, просто гуляла по улицам без особой цели, стараясь впитать в себя это новое пространство, и постепенно стала замечать вещи, которые раньше никогда не приходили мне в голову. В воздухе стоял лёгкий аромат апельсиновых деревьев, который время от времени усиливался, когда ветер проходил через сады. Где-то неподалёку всегда был слышен шум моря, не громкий, а скорее ровный и спокойный, когда волны разбиваются о камни и этот звук становит-

ся частью окружающей тишины. В какой-то момент у меня появилось странное ощущение, что время здесь течёт иначе, не медленнее и не быстрее, а просто по-другому. Люди не выглядели постоянно занятыми или напряжёнными. Они разговаривали на улицах, сидели в кафе, долго обсуждали что-то за столами, смеялись, встречали знакомых и останавливались, чтобы поговорить, как будто у них всегда есть для этого время. Потом я начала понимать, что здесь действительно можно жить иначе.

Ритм жизни был более спокойным и осмысленным. Люди не торопились проживать дни, а скорее старались их чувствовать. На рынках пахло свежими фруктами, зеленью, специями, и всё это вместе создавало ощущение живого, насыщенного пространства, где жизнь происходит не только в больших событиях, но и в самых обычных моментах. Мне всё больше становилось понятно, что жизнь может состоять не только из достижений, целей и карьерных этапов, к которым мы привыкли стремиться. В ней есть ещё одна важная часть — способность замечать каждый день, который тебе дан, и проживать его не как промежуток между задачами, а как самостоятельную ценность.

Испания очень ясно показала мне эту сторону жизни. Но вместе с этим ощущением спокойствия постепенно пришло и другое понимание, гораздо более практическое и трезвое. Даже в таком красивом месте невозможно просто остановиться и жить, ничего не делая. Со временем становится

ясно, что и здесь человеку нужно заново выстраивать свою жизнь, нужно разбираться в новых правилах, понимать язык, находить свой круг людей, учиться ориентироваться в другой культуре, в другой системе отношений между людьми.

И в какой-то момент я почувствовала, что, если я хочу действительно жить здесь, а не просто наслаждаться красивой картинкой, мне придётся пройти ещё один этап, такой же, как когда-то в других городах и странах. Нужно найти свой ритм в этом пространстве, понять, где моё место, какие люди рядом со мной, какие дела становятся частью моей жизни.

И чтобы этот мир стал по-настоящему моим, нужно было сделать следующий шаг: перестать быть гостем и становиться частью этой жизни.

Новый год дома. Испания.

Иностранка

Есть момент, который почти неизбежно наступает в жизни человека, переехавшего в другую страну. Сначала ты просто живёшь в новом месте, осматриваешься, привыкаешь к улицам, к языку, к магазинам, к запахам утреннего кофе и к шуму вечерних разговоров в соседних кафе. Всё кажется новым, интересным, иногда немного непривычным, но в целом понятным. А потом вдруг однажды ты ясно понимаешь простую вещь: ты здесь иностранка. Это не обидное и не тревожное чувство. Скорее это тихое осознание того, что вокруг существует мир со своими правилами, привычками и ритмом, который сложился задолго до твоего появления. Люди живут в нём естественно, не задумываясь о том, почему именно так устроены их дни, их разговоры, их радости.

И именно в этот момент ты начинаешь особенно внимательно смотреть на жизнь вокруг, замечать детали, которые местные жители уже давно перестали замечать, сравнивать их привычки со своими, пытаться понять, почему люди живут именно так, а не иначе. Когда я оказалась в Испании, это ощущение пришло довольно быстро, и почти сразу я почувствовала, насколько сильно отличается ритм жизни здесь от того ритма, к которому я привыкла раньше.

Москва учила меня жить на высокой скорости, ставить перед собой всё более сложные цели и не позволять себе

останавливаться даже тогда, когда достигнутый уже результат мог бы стать поводом для передышки. Этот город формирует особый тип внутренней энергии, там человек почти ежедневно находится в движении, где каждая задача воспринимается как очередная ступень вверх, а каждый успех ощущается как маленькая победа, над обстоятельствами, над городом и, в какой-то степени, над самим собой.

В Москве каждый день был похож на гонку, в которой нельзя было позволить себе потерять темп. Люди вокруг жили примерно так же, строили карьеру, запускали проекты, принимали решения, постоянно двигались дальше, словно всё пространство города было настроено на одно — на движение вверх.

Когда я оказалась в Испании, контраст оказался настолько сильным, что первое время мне было трудно его даже осмыслить. Здесь жизнь была устроена совсем иначе, и успех измерялся совершенно другими категориями. Он не был напрямую связан ни с карьерными достижениями, ни с количеством денег, ни с масштабом амбиций. Гораздо большее значение имело умение остановиться, почувствовать тепло солнца на коже, услышать шум моря, обратить внимание на простые вещи, которые в другой жизни часто остаются незамеченными.

Сначала это казалось непривычным и даже немного неловким, как будто я оказалась в пространстве, где правила, к которым я привыкла, больше не работают. Но постепенно я

стала понимать, что та самая энергия, которая в Москве заставляла меня двигаться вверх и постоянно добиваться новых результатов, здесь может быть направлена совсем в другую сторону. Она могла помогать не только достигать, но и учиться жить иначе, замечать красоту вокруг, получать удовольствие от простых моментов, находить внутреннее спокойствие. Я никогда раньше не думала о том, что умиротворение тоже требует определённой смелости, потому что человеку, привыкшему всё время двигаться вперёд, иногда гораздо сложнее остановиться и позволить себе просто жить.

Со временем Испания перестала быть для меня красивым пейзажем, который можно наблюдать со стороны. Она стала пространством моей жизни, моим домом, в котором нужно было выстроить новый ритм и новые привычки. Я училась по-другому организовывать день, обращать внимание на детали, которые раньше казались незначительными, и получать удовольствие от вещей, на которые в прежней жизни почти не оставалось времени.

Дом, который когда-то подготовил мой будущий муж, постепенно стал центром моего нового мира. Каждое утро здесь начиналось с солнечного света, который мягко проникал в окна, а вид из этих окон всегда напоминал о море, о просторе и о том, что жизнь может быть одновременно спокойной, гармоничной и щедрой. Я начала открывать для себя культуру страны через самые разные впечатления, через прогулки по узким улочкам старых городов, где каждый ка-

мень хранит свою историю, через запах свежего хлеба на рынках, через шумные праздники, на которых собираются целые города, и через тихие вечера на террасе, когда воздух становится прохладнее и разговоры текут медленно и спокойно.

Я встречала людей, которые, казалось, живут в полном согласии с этим миром, и начинала понимать, что одного физического присутствия в стране недостаточно. Чтобы действительно почувствовать её, нужно было научиться жить в её ритме, принимать этот ритм, впускать его в свою жизнь. И только спустя какое-то время я окончательно осознала, что мой переезд в Испанию был не просто сменой места жительства. Это было погружение в совершенно новую жизнь, где можно соединить мечты, комфорт, красоту и свободу таким образом, о котором раньше я даже не думала.

Первое, что я сделала, оказавшись здесь, я купила книгу «История Испании». Я прочитала её один раз, потом второй, потом третий, потому что мне хотелось понять страну, в которой я собираюсь жить. Мне всегда казалось важным знать прошлое места, в котором ты находишься, понимать, какие события сформировали его культуру и характер людей. После этого я начала изучать историю Испании уже более подробно. Я посетила практически все музеи Мадрида и делаю это не единожды, а по нескольку раз, стараясь ходить туда с лучшими гидами, чтобы услышать разные интерпретации, разные объяснения и лучше понять контекст.

Параллельно я записалась в языковую школу, потому что понимала, что без языка невозможно по-настоящему войти в жизнь страны. Испанский язык давался мне довольно легко, и уже через некоторое время я начала свободно общаться с местными жителями. Именно тогда я заметила то, что сначала меня очень удивило. Когда я начинала разговаривать с испанцами об истории их страны и задавала вопросы о событиях, о которых только что читала или слышала на экскурсиях, люди довольно часто смотрели на меня с недоумением. Они не всегда понимали, о чём именно я говорю. Сначала я решила, что, возможно, сама что-то перепутала или неправильно запомнила. Я возвращалась домой, открывала книги, проверяла источники и убеждалась, что факты я помню правильно. Постепенно я начала понимать, что дело вовсе не в моей памяти. Просто я задавала вопросы на тему, которая для многих людей здесь не является частью повседневных разговоров.

Зато если разговор переходил на совсем другие темы — еду, море, путешествия, любовь, страсть, впечатления от жизни — беседа оживала мгновенно и могла продолжаться очень долго. Эти темы вызывали у людей настоящий интерес и удовольствие. Иногда казалось, что это их любимый и самый естественный способ разговаривать о жизни. Я тогда подумала, что, возможно, именно на побережье живёт много людей, которые не так амбициозны и не ставят перед собой те цели, которые привычны для жителей крупных сто-

лиц. Возможно, где-то в других городах Испании, в академической или культурной среде, люди гораздо больше интересуются историей, искусством и оперой, и, возможно, именно туда мне стоило бы поехать, если бы я хотела продолжать ту же интеллектуальную гонку, к которой привыкла раньше.

Но на побережье жизнь устроена иначе. Этот народ очень любит просто наслаждаться жизнью. А поскольку я всегда довольно быстро учусь новым вещам, постепенно я научилась и этому. Со временем удовольствие от жизни стало частью меня самой, и это состояние оказалось настолько сильным, что в какой-то момент я заметила, как оно начинает вытеснять привычное желание побеждать, соревноваться и постоянно достигать новых вершин.

Иногда мне кажется, что стремление постоянно чего-то добиваться было во многом воспитано в нас той страной, в которой мы выросли, страной, которой уже нет на карте. Возможно, в странах с тёплым климатом и спокойным ритмом жизни люди смотрят на мир немного иначе и считают, что многое из лучшего уже создано природой и Богом, а человеку остаётся лишь научиться это ценить. Я, кстати, до сих пор не могу сказать, какой из этих подходов правильнее. Но я точно поняла одну вещь: состояние постоянного достижения и состояние наслаждения жизнью плохо уживаются друг с другом.

Первая половина жизни, наверное, действительно должна быть временем достижения, когда человек строит себя, свои

возможности, свою силу. И если ему действительно удаётся добиться многого, тогда наступает момент, когда он может позволить себе перейти к другой стадии, к стадии наслаждения жизнью. И самое сложное здесь — увидеть ту тонкую границу, после которой можно позволить себе этот переход.

У меня осознание того, что я перехожу к этой стадии, произошло довольно рано, примерно в сорок лет, хотя у многих людей подобные перемены происходят значительно позже, иногда уже ближе к пенсионному возрасту. Но есть и люди, у которых стадия наслаждения жизнью начинается очень рано, практически с юности, и при этом они не стремятся к каким-то особым достижениям. Часто это люди, которым просто повезло родиться у моря, в тёплом климате, где сама жизнь располагает к спокойствию и удовольствию. Возможно, их жизнь действительно проходит как непрерывное наслаждение, и это тоже один из возможных сценариев человеческой судьбы. А есть и те, для кого стадия достижения никогда не заканчивается. Они продолжают стремиться к новым вершинам, хотят стать лучшими в своём деле, и иногда им действительно удаётся добиться настоящего величия.

Свить своё гнездо

Есть момент, который рано или поздно наступает в жизни человека, момент, когда он начинает ясно понимать, на что в своей жизни он действительно может опереться. И это не слова, не обещания, не обстоятельства, которые сегодня складываются одним образом, а завтра могут сложиться совершенно иначе. А то, что создано собственными руками, собственными решениями и собственной внутренней волей.

Именно к такому пониманию я постепенно пришла, наблюдая за тем, как складывается моя жизнь, и как незаметно меняются её обстоятельства. В какой-то момент я вдруг очень ясно поняла одну простую, но довольно жёсткую вещь: всё, что в моей жизни по-настоящему является моим, всё, на что я могу опереться без оглядки и сомнений, я должна создавать сама.

Сначала мне казалось, что дом, который был подготовлен моим мужем задолго до нашей встречи, — это настоящий подарок судьбы. Он действительно был красивым и удобным, в нём было продумано множество деталей, которые делают жизнь лёгкой и комфортной. В этом доме было всё, что обычно ищут люди, когда мечтают о спокойной жизни у моря: простор, свет, аккуратный сад, ощущение уюта, которое возникает, когда пространство уже обжито и настроено под ежедневную жизнь. Это было место, где легко просыпаться

по утрам, где окна открываются на солнце и воздух, где день начинается спокойно и без суеты.

Но со временем я начала замечать внутри себя странное чувство, которое сначала не могла объяснить, но я всё чаще ловила себя на ощущении лёгкого, почти неуловимого отчуждения, как будто пространство вокруг принадлежит другой истории.

Сначала я не придавала этому значения. Но постепенно стало понятно, откуда возникает это чувство. В стенах этого дома уже была прожита чья-то жизнь. Здесь существовали воспоминания о другой семье, о другом этапе жизни моего мужа, о детях, которые выросли в этих комнатах, играли в этом саду, проживали здесь своё детство без моего участия. Эти стены помнили смех, разговоры, праздники, привычки людей, которые жили здесь задолго до меня.

Да, это был хороший дом, но он был не моим.

И тогда во мне проснулось то самое упрямство, которое я хорошо знала. Это было то самое внутреннее ощущение, которое когда-то заставило меня покинуть маленький город, потом отправиться в Москву, потом продолжить движение дальше, в мир. Это было знакомое чувство: если что-то по-настоящему важно, я должна создать это сама. Мне захотелось построить собственное пространство жизни. Свой дом, своё гнездо, которое будет связано только с моей историей.

Поэтому я нашла дом неподалёку и решила его купить, но это было совсем не то пространство, в которое можно просто

войти и начать жить. Скорее это была почти строительная площадка. Внутри не было стен, которые разделяли бы комнаты и создавали привычное ощущение дома. Пространство представляло собой большую пустую коробку, где бетон и воздух образовывали странную, непривычную тишину, и эта пустота сначала даже немного пугала.

Снаружи тоже не было ничего похожего на сад. Земля была пустой, грубой и неухоженной. Там, где должен бы быть бассейн, зиял огромный котлован — глубокая выемка в земле, похожая на рану, которая только ждёт, чтобы её заполнили водой. Вокруг была пыль, бетон, строительные следы и ощущение незавершённости.

Но я смотрела на это пространство совсем иначе, я не видела разрушения или пустоты, я видела возможность. И шаг за шагом, метр за метром, я начала создавать пространство своей жизни. Этот процесс занял много времени и требовал постоянного внимания, потому что каждое решение становилось частью будущего дома. Я продумывала планировку, стараясь представить, как именно будет устроено пространство, где будут проходить наши дни. Я размышляла о том, как будет падать солнечный свет утром и в какие комнаты он будет приходить первым. Я представляла, где мы будем завтракать, где будут стоять столы, где дети будут играть и смеяться, где появится уголок, в котором можно спокойно читать. Я выбирала плитку, материалы, растения, текстуры, линии и цвета, ориентируясь не на моду и не на чужие сове-

ты, а на собственное ощущение пространства, которое должно было стать частью моей жизни.

Постепенно в доме начали появляться стены, и пространство из пустой коробки начало превращаться в настоящие комнаты. Потом появился сад. Земля шаг за шагом оживала. Растения укоренялись. Зелень начинала менять ощущение двора.

Позже появился бассейн, который уже не выглядел как грубый котлован в земле, а стал спокойной зеркальной поверхностью воды, отражающей небо.

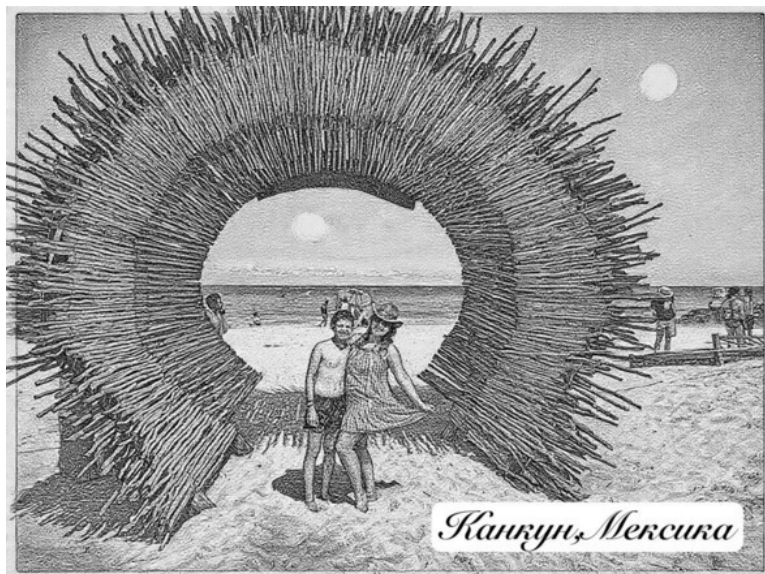
И вместе с этими изменениями постепенно появлялось другое, гораздо более важное ощущение. Ощущение устойчивости. Это было моё пространство, и оно не было мне подарено, оно не досталось мне по наследству. Оно было создано мной, мной самой.

И, как это нередко бывает в жизни, именно в тот момент, когда я наконец построила свой маленький уголок спокойствия и красоты, наши с мужем жизненные пути начали расходиться. Я тогда могла бы остаться в его доме, ведь в европейских странах, таких как Испания, законы устроены так, что женщина почти всегда имеет право продолжать жить в семейном доме вместе с детьми, даже если отношения заканчиваются. Закон в таких ситуациях чаще всего оказывается на её стороне. Но внутри меня не было желания удерживать то, что уже перестало быть общим.

Мне не хотелось оставаться в пространстве, которое су-

существует по праву закона, но больше не существует по праву внутреннего согласия. Я не хотела быть ни для кого обязанностью, ни для него, ни для системы, ни для обстоятельств, которые могли бы диктовать мне, как именно должна складываться моя жизнь. Мне было важно стоять на собственной земле. И именно тогда я окончательно поняла, что всё, что я строила, на самом деле было не про стены, не про сад и не про бассейн. Это было про мой внутренний фундамент, про способность в любой момент начать заново, не разрушаясь изнутри, про умение не цепляться за готовые конструкции, даже если они удобны и красивы, а находить в себе силы создавать своё пространство жизни.

Этот дом в итоге стал для меня не просто недвижимостью и не просто местом, где можно жить. Он стал доказательством того, что человек способен выстроить свою жизнь даже из пустоты, даже тогда, когда перед ним находится только котлован.

Кангун, Мерсика

Архитектор своей жизни

Когда я сегодня оглядываюсь назад и смотрю на разные этапы своей жизни, я начинаю замечать одну закономерность, которая раньше не казалась мне такой очевидной. Почти каждый важный поворот в моей судьбе начинался не с обстоятельств и не с давления извне, а с внутреннего решения, которое однажды становилось настолько ясным, что его уже невозможно было игнорировать. Сначала это решение возникает как тихое ощущение, почти как мысль, к которой возвращаешься снова и снова. Потом оно постепенно становится уверенностью. А затем наступает момент, когда становится понятно, что дальше жить так, как раньше, уже невозможно. И тогда появляется действие.

Когда родной город стал для меня слишком тесным, я не пыталась долго обсуждать это с окружающими, не жаловалась на ограничения и не убеждала себя, что нужно просто привыкнуть. Я приняла решение уехать и поехала учиться. Когда спустя несколько лет областной центр начал казаться мне таким же ограниченным пространством, я не стала ждать, пока ситуация изменится сама. Я снова приняла решение и поехала в Москву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.